

С. С. Шляхова,
Пермь

«Сказать звук...»: фоносемантические маргиналии в поэзии М.Цветаевой.

*Ах с Эмпиреев, и ох вдоль пахот.
И повинись, поэт,
Что ничего, кроме этих ахов,
Охов, у Музы нет.*

М.Цветаева

В творчестве М. Цветаевой «философско-мировоззренческий максимализм находит адекватное выражение в максимализме языковом» [Зубова 1989: 4]. Поэзия М.Цветаевой стоит в русской литературе особняком, «весьма и весьма на отшибе» (И.Бродский). Подобная «периферийность», «маргинальность» свойственна и ее языковому стилю.

Максимализм языкового стиля М.Цветаевой проявляется в том, что языковая периферия оказывается принципиально значимой для поэта. Для поэзии М.Цветаевой характерны единицы типа *толк, бум, бах, ку-ку* и пр., которые в статье номинируются как *фоносемантические маргиналии* (ФМ), что подчеркивает маргинальный статус и звукоизобразительную природу данных единиц, их примарную мотивированность.

Почему для М.Цветаевой столь притягательно то, что стоит на периферии языка, что максимально выходит за рамки «нормального»? Думается, что ответ можно найти в ее дневниковых записях, относящихся уже к сороковым годам: «*Моя трудность (для писания стихов и, может быть, для понимания) в невозможности моей задачи, например, словами (то есть смыслами) создать стон: а-а-а. Словами (смыслами) сказать звук. Чтобы в словах осталось одно: а-а-а. Зачем такие задачи?»*. Ср. также ее понимание цели поэзии: «*в тетрадь, чтобы не задохнуться*».

Признание поэта заставляет идти вслед за звуком и стоном, что означает - погрузиться в сферу фоносемантики, поскольку одним из признаков звукоизобразительного слова является его аномальность [Воронин 1982].

Переход в сферу ФМ часто связан с разрушением кодифицированного языка, логической речи, актуализацией аномального дискурса.

Так, ФМ имеют непосредственное отношение к пограничным феноменам человеческого бытия (состояние измененного сознания), пограничным фигурам (например, фигура медиатора между этим и потусторонним миром), пограничным состояниям маргиналов (состояния транса, одержимости, радения и др.), на что указывает частотность ФМ в подобных текстах [Шляхова 2005].

Ср. также в эссе «Искусство при свете совести» (1932): *«состояние творчества есть состояние наваждения. Пока не начал – obsession, пока не кончил – possession. Что-то, кто-то в тебя вселяется, твоя рука исполнитель, не тебя, а того. Кто он? То, что через тебя хочет быть...»* [Цветаева 1988: 397].

Функционирование ФМ также связано со специфическими духовными и интеллектуальными практиками в религиозно-мистическом (кликушество, пророчество, мистическое сектанство), фольклорном и литературном пространстве (заумь).

Ср. также: *«Недаром каждый из нас по окончании: «Как это у меня чудно вышло!». Никогда: «Как это я чудно сделал!». Не «чудно вышло», а чудом – вышло, всегда чудом вышло, всегда благодать, даже если посылает не бог. В человека вселился демон. Судить демона (стихию)? Судить огонь, который сжигает дом? Меня?»* [Цветаева 1982: 106].

Наши исследования функционирования ФМ показывают [Шляхова 1998, 2004], что подобные единицы характерны для жанров, которые отличаются высоким эмоциональным напряжением текста, где степень стресса определяет степень частотности ФМ. На сверхэмоциональное начало цветаевского стиха указывают все исследователи и критики ее творчества, да и сама М.Цветаева признавалась: *«Безмерность моих слов - только слабая тень безмерности моих чувств»*.

Ср. также: *«рыдание»* и *«работа на голосовом пределе»* (И.Бродский); *«Марина часто начинает стихотворение с верхнего «до»* (А.Ахматова).

Эмоции обычно представляют собою целый спектр субъективно недифференцируемых нюансов, которые трудно поддаются передаче с помощью кодифицированных средств [Жельвис 1997: 38].

В состоянии эмоционального напряжения в высказываниях увеличивается число элементов, которые не несут никакой смысловой нагрузки, поскольку происходит затруднение в выборе слов, отсюда множество паралингвистических «чуждых» звуков, аномалий, инвектив, которые менее всего связаны с содержанием, но несут на себе всю эмоциональную нагрузку речи.

Специфика семантики ФМ заключается в том, что они всегда имеют сверхэмоциональное начало, что закономерно, ибо личностная эмоция стремится преодолеть знаковость языка: «когда в припадке нежности или злобы мы хотим приласкать или оскорбить человека, то нам мало для этого изношенных, обглоданных слов, и тогда мы комкаем и ломаем слова, чтобы они задели ухо, чтобы их видели, а не узнали» [Шкловский 1990: 40]. Ср.

А - и - рай! (Куды и вся удаль *Му-жайся же, сердце!*
А - и - вей! Давалась, - *невемо!* *Му-жайся и чай!*
О - би - рай! ...На тебя не дунул, *Не-бесный* *разверзся*
Не - ро - бей! На тебя не *венул* *Свод!*...
 «Переулочки» «Молодец» «Ариадна»

Любая эмоция, переживание включает в себя «здесь-и-теперь» удовлетворение [Василук 1984: 50]. Именно ФМ оказываются способны передавать семантику «здесь-и-теперь» наиболее адекватно. Синкретичность ФМ позволяет М.Цветаевой в минимальной языковой форме обозначить «сюжет» и эмоцию «здесь-и-теперь» ситуации; передать «ежесекундное изменение жизни» (Ж.Жаккар), ибо «остановленное окаменевают» (Р.М.Рильке); способствовать компрессии времени и преодолению разрыва «хронотопа» между читателем и автором.

Ср. *Ой!* - Молния! *Грех* - таки... *Лбом об землю* - *чок!*
Ой! - Жжет! *Стыд* - таки.. *Да на ветку* -
Не - молния! *Кхе-кхе-кхе...* *Скок* -
Конь - ржет! *Кхи-кхи-кхи...* *Тут к ней барин! Хвать!*
 «Переулочки» «Крысолов» «Молодец»

Повышенной частотностью ФМ обладают тексты, которые тесно связаны с обрядом и его кодами (заговоры, загадки); для которых характерна высокая степень устойчивости жанра и тесная связь с древними формами речи, которые прежде всего обнаруживают связь с религиозной и магической функцией (песни

ведьм, заговоры, былички, глоссолалии сектантов, косноязычие юродивых и кликуш, детский фольклор и фольклор для детей).

Все эти жанры предполагают наличие некоторой языковой «чертовщины», «заумных», «тарабарских» слов, которые и являются той «языковой окаменелостью» (И.А.Бодуэн де Куртене), лингвистическая непрерывность которых маркирует древность и постоянство функционального дрейфа данного текста, его переход от сакрального к десакрализованному.

Показательным примером этого является борьба никониан со старообрядческой манерой церковного пения, которое характеризовалось глоссолалическими припевками (так называемые «аненайками») [Успенский 1994]. При этом подобные «аненайки» существовали и существуют в детских искусственных языках, где всегда происходит десакрализация текстов, так называемые «утки» - слоги, которые вставлялись после каждого слога «нормального» слова.

Подобное осмысление сказки М.Цветаевой «Молодец» находим у В.Ходасевича: *«Народная песня в значительной мере является причитанием, радостным или горестным: в ней есть элемент скороговорки и каламбура - чистейшей игры звуками; в ней всегда слышны отголоски заговора, заклинания - веры в магическую силу слова; она всегда отчасти истерична - близка к переходу в плач или в смех; она отчасти заумна. Вот эту «заумную» стихию, которая до сих пор при литературных обработках народной поэзии почти совершенно подавлялась или отбрасывалась, Цветаева впервые возвращает на подобающее ей место»* [Ходасевич 1991: 521].

Характеризуя народную песню, В.Ходасевич определяет и существенные черты цветаевского стиля: «чистейшая игра звуками», «причитания», «отголоски заговора, заклинания», «отчасти заумна и истерична». И совершенно безусловна вера М.Цветаевой в магическую силу слова, где назвать - значит создать, что не раз привлекало внимание исследователей [Ревзина 1991; Жогина 1999]. Ср. также значимость библейской, античной, христианской, славянской мифологии и фольклора в поэзии Цветаевой, а также ее экстатичность, катарсичность.

М.Цветаева своими текстами творит магию, стремясь влиять на обстоятельства. Она использует «периферийные» языковые

средства, создающие иллюзию «заумности», ибо ФМ являются типичными для экстатических форм речи (религиозного и магического фольклора), где существуют на равных правах с собственно «заумью», заимствованиями и инвективами [Шляхова 1998].

Ср. отражение заговорной структуры, где очевидно знание поэтом обрядовых кодов заговора:

<i>Развела себе в стакане</i>	<i>Левая - она дерзка,</i>
<i>Горстку жженных волос.</i>	<i>Льстивая, лукавая.</i>
<i>Чтоб не елось, чтоб не пелось,</i>	<i>Вот тебе моя рука -</i>
<i>Не пилось, не спалось.</i>	<i>Праведная, правая!</i>

Повышенная частотность ФМ характерна также для устной формы существования текста (преимущественно в бытовом, неофициальном пространстве) и детской речи. Тот же В.Ходасевич весьма раздраженно отзывался о цветаевском сборнике «Волшебный фонарь»: *«Но есть что-то неприятно-слащавое в ее описаниях детского мира, в ее умилении перед всем, что попадает под руку. От этого книга ее - точно детская комната: вся загромождена игрушками, вырезанными картинками, тетрадами. Кажется, будто люди в ее стихах делятся на «бьяк» и «паинек», на «казаков» и «разбойников»* [Ходасевич 1991: 486]. Ср. также разговорность, диалогичность формы цветаевского стиха; моделирование семейного и «детского» общения в ранних сборниках и очерке «Мой Пушкин». Ср. также цветаевское признание *«Я говорю, как маленькие дети»* («Плащ») и «детскую» аргументацию: *«Мне тебя уже не надо - Оттого что - Оттого что - Мне тебя уже не надо».*

М.Цветаева неожиданно останавливается во времени (вернее, возвращает его на зад), моделируя в ограниченном пространстве новый, временно действующий мир, принимая правила игры («понарошку», «на пока»), свойственные этому детскому миру. Однако это, на наш взгляд, отнюдь не является показателем инфантилизма цветаевского поэтического мира, который столь раздражал В.Ходасевича, поскольку корни этого лежат не столько в «детстве» поэта, сколько в «детстве» языка и человечества.

Весьма показательной является мысль Цв.Тодорова, который обозначил распространенное мнение о природе символа: *«...поскольку трудно полностью игнорировать существование символов, мы заявляем, что мы - нормальные взрослые люди современ-*

ного Запада - свободны от недостатков символического мышления и что такое мышление существует лишь у *других* - у животных, детей, женщин, сумасшедших, поэтов (безобидной разновидности сумасшедших), дикарей, которые, равно как и наши предки, мыслят только символически.<...> Однако (и в этом заключается наш тезис) описания «дикого» знака (знака других) суть дикие описания (нашего) символа» [Тодоров 1999: 262].

Представляется, что это поэтическое моделирование архетипической (детской? дикой? женской? животной? сумасшедшей?) картины мира, где ФМ являются основным строительным материалом столь зыбкой, призрачной, подсознательной и неподотчетной структуры. Об архетипичности когнитивных рядов, позволяющих играть со словами и смыслами, актуализируя неосознаваемые смыслы, говорилось неоднократно. Ср. также признание поэта в письме в Ю. П. Иваску от 4 апреля 1933 года: «Я все знала – отродясь. NB! *Я никогда не была в русле культуры.* Ищите меня *дальше и раньше*» [Цветаева 1992: 80].

«Неофициальность», «карнавальность» поэтической картины мира М.Цветаевой, где разрушаются законы «правильного» поведения, кодифицированного языка, эффективной коммуникации, где «аномальность» с периферии перемещается в центр мироздания, возвращаясь к забытым истокам мифа, обряда, языка, речи, слова. Для идиолекта М.Цветаевой характерны поиски утраченного семантического потенциала слова через его звучание, этимологию, «первородные» значения.

Специфической особенностью ФМ является то, что при некоторых типах афазии на фоне утраты нормальной лексики сохраняются инвективы (В.И.Жельвис в частности говорит о патологическом сквернословии), междометия, ономотопеи, звуко-символические аномалии [Жельвис 1997; Воронин 1982], что говорит об их древней природе, о том, что она находятся в самой глубине вербальной памяти. Это уже не является собственно речью, ибо словоупотребление неконтролируемо, значение утрачивается при сохранении оболочки слова, его звучания. Это же подтверждается исследованием таких экстатических форм речи, как иноговорения, камлания сектантов, шаманов, кликуш, юродивых и т.п. [Шкловский 1990; Тодоров 1999: 329-340; Коновалов 1908; Вербицкий 1893; Потапов 1991].

Можно говорить, что ФМ - это «детство», «колыбель», «младенчество» языка, что косвенно подтверждается данными детской речи и наиболее распространенными теориями происхождения языка (звукоподражательной, междометной, оноματοпозитической, жестовой, теорией трудовых выкриков) [Николаева 1996; Тодоров 1999]. Эти единицы наиболее характерны также для устных (исторически более древних) форм речи и фольклорных жанров. Древняя природа форм-аномалий неизбежно приводит нас к признанию тесной взаимосвязи говорения (речи) и других невербальных средств коммуникации (жеста, обряда, игры), которые являются знаковыми системами более древнего, чем язык, происхождения [Тодоров 1994; Тодоров 1999; Горелов 1980].

«Если также учитывать, что в начале было не словоотдельность («словарное слово»), а сверхсложный синкретический комплекс, <...> то оказывается, что этот комплекс есть одновременно и оноματοпея, и междометие, и жест, что он столь же абстрактен, сколь и изобразителен и аффективен. <...> Он логичен и иррационален. Точен и неточен. Обманчив и правдив. Он не использует парафразы, тропы и символы. Он является ими» [Сорокин 1999: А-2]. Именно этот генетический потенциал ФМ использует М.Цветаева в своей поэтической речи.

Из 197 употреблений ФМ в текстах М.Цветаевой получаем следующее соотношение: 159 (80,7 %) - артикуляторных ФМ (*кхе, фырк, ой, тьфу* и др.); 11 (5,6 %) - акустических ФМ (*бац, дзинь, порх, чок* и др.); 27 (13,7 %) - лексических аттрактантов и репеллентов (*ау, брысь, тсс, цыц* и др.).

Количественные данные показывают, что в идиостиле М.Цветаевой актуализируются внутренние (скрытые, имплицитные) процессы жизни физического тела (артикуляторные ФМ). Ее не интересуют внешние звучания (акустические ФМ) и обращенность к другому (лексические аттрактанты и репелленты). Можно говорить о том, что поэт существует во внутреннем мире, а внешний мир, диалог к ним, ответственность в этом диалоге не имеют для нее особого значения.

Очевидна актуализация артикуляторных ФМ (более 80 %), где выделяются группы непрямых междометий и номинации собственно органических звучащих движений человеческого тела. По М.Цветаевой, поэт - «утысячеренный человек», в том числе утысячеренный и со стороны «физики тела», которая является значимой во многих поэтических и философских системах

(О.Мандельштам, Вл.Соловьев, В.Розанов, Д.Мережковский, Б.Поплавский, Г.Марсель, М.Пруст, П.Валери и др.).

Проблеме значимости человеческого тела, психофизиологического в художественном творчестве посвящены не одна статья и монография [Выготский 1987; Бахтин 1990; Успенский 1994, 2; Фрейд 1991, 2; Топоров 1995; Мусаева 1999; Линецкий 1995]. Биофизическая органика в известной мере определяет, «преформирует» существенный пласт духовного творчества, и результаты этого творчества, тексты, хранят в себе отражения этих «органических» движений. Бессмысленно задавать вопрос о том, что первично - душа или тело, по крайней мере, в контексте идеи духовного и телесного единства, предопределяющего отсутствие «интервала» между душой и телом [Топоров 1995: 430].

Особенно заметно отражение «органических» движений и отсутствие «интервала» между душой и телом в поэзии М.Цветаевой. ФМ являются здесь знаком личного и языкового типа поведения поэта, которые позволяют преодолеть «репрессивно-подавляющую, контролирующую функцию» (Л.С. Выготский) языкового знака, чья роль заключается в репрессии «физики тела», инстинктов как «реального», натурального уровня психики социальным дискурсом [Выготский 1982, 1; Лакан 1995; Фрейд 1991, 1].

Ср. - Ух!

- Кто же это там ухнул вдруг?

- Просто вылетел из тела - дух!

«Царь-девица»

«В гибельном фолианте...»

Ах, далеко до неба!

Губы - близки во мгле...

- Бог, не суди! - Ты не был

Женщиной на земле!

Греми, громкое сердце!

Жарко целуй, любовь!

Ох, этот рев зверский!

Дерзкая - ах! - кровь.

«Стихи о Москве»

О друг! Не обессудь!

Прельстись!

Испей!

Из всех страстей...

«Бессонница»

Существенную роль в поэтической системе М.Цветаевой играют междометия. Как литературный манифест возникает в 1924 году стихотворение «Молвь», где вся сложность жизни и высота поэзии укладывается в несколько междометий: «*Ах с Эмпиреев, и ох вдоль пахот. И повинись, поэт, Что ничего, кроме этих ахов, Охов, у Музы нет*». По М.Цветаевой, эти «не-

одолимые возгласы плоти» и являются сутью жизни и поэзии, «проводниками в душу, а не в пустоту».

В целом артикуляторные звучания в русском языке находят незначительное отражение (часто представлены единичными примерами ФМ) [Шляхова 2004]. Этимологический анализ показывает, что все артикуляторные ФМ относятся к индоевропейскому лексическому фонду, что позволяет говорить о древней природе данных единиц. Характерно, что с течением времени не происходит пополнение данной лексической группы, что отражает неизменность физиологического бытия человека. Однако данное положение не означает семантической «консервации» артикуляторных ФМ, которые развивают огромное количество значений на уровне перехода в звукосимволическое пространство. Более того, артикуляторные ФМ обозначают не только физиологически значимые стороны бытия человека, но и те сущности, которые включены в наиболее сложные семиотические контексты (например, семантика смеха, слез, чихания). Сфера артикуляторных ФМ – своеобразный «тигль человекообразования» (М.Мамардашвили), где происходит переход от примитивного физиологического бытия к духовному осмыслению мира. Только эти ФМ отражают в языке физиологическое бытие человека в своем отприродном (полуживотном) смысле; только на уровне ФМ существует маргинальная зона, переход через которую, в сущности, знаменует собою переход от полуживотного бытия к человеческому. При этом обыденное бытие семиотизируется в такой степени, что выходит на гносеологический и онтологический уровень.

Показательным в этом отношении является исследование К.А.Богданова, где фольклорные импликации чихания рассматриваются в качестве объекта коммуникативной рефлексии. Уже в библейском и гомеровских текстах упоминания о чиханье - при всем их различии - представляются схожими в главном: и в том и в другом случае упоминается обыкновенное явление, предваряющее экстраординарное событие. Чихание воспринимается как результат божественного промысла и божественного творения. Но коль скоро сам этот промысел остается для человека неисповедимым, чиханье - как явление, известное человеку по его собственному опыту, - знаменует то, что человеческим

опытом не объясняется и не определяется. В ряду приводимых автором примеров вера в чиханье, в общем и целом, расценивается как вера в божественное провидение или в случай. Вера во встречу, сны или птичий гай также инициируется семантикой и прогностической функцией случайности, но аналогия эта частична: случайность, с которой имеет дело чихающий, связана с самим человеком, обнаруживающим в акте чиханья парадоксальную природу своей метафизической зависимости [Богданов 2004]. ФМ являются той лингвистической зоной, которая наиболее рельефно отражает физиологическое, потустороннее, сакральное бытие человека, «в глубине которых обнаруживается нетривиальное содержание, не схватываемое рациональным мышлением, проявляются древние архетипы и символы, просвечивают фундаментальные основания бытия, отражается сакральное начало» [Гурин 2001].

Таким образом, посредством ФМ М.Цветаева устанавливает «природный», истинный, «первородный» порядок связи слов, который хранится языком, но утрачивается обыденным сознанием. ФМ для М.Цветаевой - это «до-словный, до-книжный хаос, из которого все рождается и в который все уходит» (В.Шкловский). Исследование функционирования фоносемантических маргиналий в идиолекте М.Цветаевой позволяет увидеть не только особенности индивидуальной стилистики и языковой картины мира, но и уловить закономерности существования этих единиц в системе языка.

Литература

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

Богданов К.А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. [http://ivgi.rsuh.ru /folklore/publications. htm](http://ivgi.rsuh.ru/folklore/publications.htm)

Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 1984.

Вербицкий В. Алтайские инородцы. М., 1893.

Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л., 1982.

Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 тт. Т.1. М., 1982.

Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1987.

Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.

Гурин С.П. Маргинальная антропология // <http://psy-games.narod.ru/margin/DIR.HTM>.

Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М., 1997.

Жогина К.Б. Творчество М.И.Цветаевой в эпистеме философии имени начала XX века // Человек в контексте культуры. Москва-Ставрополь, 1999.

Зубова Л. В. Поэзия М. Цветаевой: Лингвистический аспект. Л., 1989.

Коновалов Д. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Сергиев Посад, 1908.

Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.

Линецкий В. Комплекс кастрации и теория литературы // Риторика. 1995, № 2.

Мусаева Э. С-Э. Флоренский и Пастернак. Видимый и невидимый мир // Человек в контексте культуры. Сб. ст. Вып.2. Москва-Ставрополь, 1999.

Николаева Т.М. Теории происхождения языка и его эволюции - новое направление в современном языкознании// ВЯ, 1996, № 2.

Потанов Л.П. Алтайский шаманизм. М., 1991.

Резина О.Г. Собственные имена в поэтическом идиолекте М.Цветаевой // Стилистика и поэтика. 1988-1990. М., 1991.

Сорокин Ю.А. О чем и как размышляет Цветан Тодоров? // Цветан Тодоров. Теории символа. М., 1999.

ТодоровЦв. Язькиегодвойники//ТодоровЦв. Теории символа М., 1999.

Топоров В.И. Из наблюдений над загадкой// Исследования в области балто-славянской культуры. Загадка как текст. М., 1994.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.

Успенский Б.А. Язык и культура. Избр. труды. ТТ. 1-2. М., 1994.

Фрейд З. «Я» и «Оно». Тр. разных лет. ТТ.1-2. Тбилиси, 1991.

Ходасевич В. Колеблемый треножник. Избранное. М., 1991.

Цветаева М. И. Искусство при свете совести // Литературное обозрение. 1982, 3 10.

Цветаева М. И. О поэзии и прозе // Звезда, 1992, № 10.

Цветаева М. И. Собр. соч.: В 2-х тт. Т. 2. М., 1988.

Шкловский В. Гамбургский счет. М., 1990.

Шляхова С.С. «Дребезги языка»: Словарь русских фоносемантических аномалий. Пермь, 2004.

Шляхова С.С. «Другой» язык: Опыт маргинальной лингвистики. Пермь, 2005.